

Л. А. Бурганова, А. И. Хуснутдинова

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПАРТНЕРСКОЙ МОДЕЛИ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Ключевые слова: интеракционный дискурс, коммуникативные практики, дискурсивные практики, деятельность органов внутренних дел, символические интеракции, конструкционизм.

В статье обосновывается необходимость в новой модели коммуникативных практик в систем деятельности органов внутренних дел, основанной на консенсусе интеракционного дискурса. Выявляются проблемы формирования партнерской модели взаимодействия ОВД с населением, связанные с архетипизацией данного вида отношений.

Keywords: interactional discourse, communicative practices, discursive practices, the activities of law-enforcement bodies, symbolic interaction, constructionism.

The article substantiates the need for a new model of communicative practices in the system of activity of law-enforcement bodies, based on consensus of interactional discourse. The problems of the formation of the partnership model of interaction between law-enforcement bodies and the people, associated with a archetypes according this kind of relations are identified.

Система деятельности органов внутренних дел фактически формируется в результате постоянной коммуникации, сложного комплекса интеракций на мезо-уровне между органами власти и различными социальными группами населения [1]. Соответственно речь идет не только о взаимодействии индивидов в повседневных практиках бытовых и профессиональных ситуаций. В интеракциях могут и должны участвовать самые разные, в том числе и крупные социальные субъекты. Основным полем для таких взаимодействий являются средства массовой коммуникации.

СМИ можно рассматривать как полигон и технологию для формирования новых и корректировки старых общих смыслов, выработки общих символов и дискурсов. Согласно символическому интеракционизму, значения формируются в результате интерпретации как внешне, так и внутренне. В настоящее время очевидно отсутствие общих символов и несовпадение интерпретаций между населением, различными социальными группами и полицейским ведомством по многим проблемам деятельности органов внутренних дел. Однако ситуацию можно было бы изменить при грамотном технологическом процессе, когда сначала в ведомственных изданиях формируется дискурс ОВД, который затем уже презентуется и включается в интеракционное поле общественных СМИ.

Для такого перехода необходимо изменить само определение коммуникации и коммуникативных практик в системе деятельности органов внутренних дел. Понимание этого в полицейском ведомстве есть, но при этом нет четкого представления о методах, посредством которых можно добиться поставленных целей. «Со вступлением в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» значительно изменились подходы к организации деятельности органов внутренних дел, а сама модель взаимоотношений с гражданами сменилась с доминантной на партнерскую. В законе впервые закреплено положение о том, что полиция

при осуществлении своей деятельности должна стремиться обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан» [2, с. 64]. Однако наивно было бы считать, что одного закона достаточно для того, чтобы перестроить всю практику и изменить ситуацию в целом. Все может ограничиться простым нормативным актом без каких-либо существенных трансформаций.

Закон является хорошей базой для построения дискурса, но для его последовательной и эффективной реализации необходимо учитывать множество подводных камней. Согласно М. Фуко, «важно другое: каким образом все осуществляется в определенный момент на уровне процедур подчинения, или во время тех постоянных и непрерывных процессов, которые подчиняют тела, управляют жестами, определяют формы поведения» [3, с. 47]. Все понимают, что от деятельности ОВД зависит функционирование многих базовых правовых норм. Действие законов и правил может быть смягчено, ужесточено, а порой и вообще дезавуализовано. Конечно, органы внутренних дел формально не должны этого делать, но реально им этим приходится заниматься постоянно. Их за это ругают, но от них этого и требуют, поэтому критерий четкого и неукоснительного соблюдения законов не может быть реализован. Навряд ли будет с одобрением встречено действие ОВД по законному выселению на улицу матери с детьми или разгону незаконного митинга протеста с применением спецсредств. В таких вопросах их деятельность находится под пристальным прицелом общественного мнения, которое легко возбуждается самими, казалось бы, правомерными действиями полиции.

В ситуациях, когда, по общему мнению, закон демонстрирует свою несправедливость и бесчеловечность, общественность ждет от сотрудников правопорядка такой его интерпретации, которая бы сгладила позиции. Если же, напротив, будет взят курс на ужесточение, то ситуация будет интерпретирована как неправильное и несправедливое дейст-

вие вне зависимости от легитимности самой процедуры. Однако в других случаях подобная интерпретация может быть подвергнута осуждению как незаконная, а сами сотрудники полиции заклеены как преступники.

С одной стороны, в общественном сознании признается за ОВД право на подобную интерпретационную работу, а с другой — отказывается в таком. Связано это с тем, что возможность интерпретации порождает обширное поле для злоупотреблений, и прежде всего, кумовства, клановости, коррупции, насилия и пр. Все это вызывает самую болезненную реакцию у различных социальных групп. В символическом плане ситуация напоминает мифологический сюжет, в соответствии с которым субъект, которому доверили волшебную палочку для совершения добрых дел, стал использовать ее в своих корыстных целях. Поэтому взрыв возмущения в общественном мнении вызывают ситуации, когда сотрудники полиции покрывают преступления представителей властной элиты или сами совершают противоправные действия.

В этом плане появление и закрепление в массовом сознании архетипического ярлыка «оборотни в погонах» очень показательны. Во-первых, можно констатировать, что преобразование данного символа в стереотип является результатом консенсуса в процессе интеракционного дискурса. Само появление и распространение архетипов в символических интеракциях не является чем-то случайным или необычным. Некоторые исследователи убеждены, что эти две области тесно связаны между собой. Эдвард Эдингер, в частности считает, что «символы являются продуктами спонтанной деятельности архетипической психики» [4, с. 104]. Во-вторых, несмотря на негативную стигматизацию, символическое содержание отражает и позитивный смысл в своей оборотной стороне. То, что интеракционистский консенсус был достигнут в рамках отрицательной оценки, еще не значит, что в последующих взаимодействиях невозможно обретение новых и более позитивных позиций.

Оборотень в символических оценках — персонаж сложный, он имеет две стороны и собственно оборачивается с одной на другую. Соответственно, если денотат «полиция» приобрел символическое содержание и преобразовался в коннотат «оборотни в погонах», то это значит, что этот негативный символический конструкт есть результат трансформации его позитивного образа. Сотрудник полиции все еще воспринимается как герой, некий «волшебный страж», защищающий обычного человека от угроз реального мира. Его магической силой является право на интерпретацию, управление правилами и законами, структурирующими действительность, в которой живет большинство населения.

Таким образом, функция деятельности органов внутренних дел подвергается сакрализации, а их сотрудники наделяются исключительными, почти сверхъестественными качествами. Как указывал основоположник архетипической теории Карл Густав Юнг, «архетип — это чистая, не искаженная природа, причем это такая природа, которая побуждает

человека произносить слова и совершать действия, смысла которых он не осознает, да еще так не осознает, что даже не задумывается над этим» [5, с. 246].

Мы все не можем понять, что полиция и полицейские — это составной элемент далеко не совершенного в социальном и моральном аспектах российского общества, и они по определению не могут быть более идеальными, чем общественная среда их порождающая. Общеизвестно, что в российском обществе широко распространение получили кумовство, коррупция, но от полицейских ждут исключительно честности, неподкупности, профессионализма и пр. Они должны защищать слабых и бедных от сильных и богатых, последних наказывать по всей строгости закона и даже строже, а первым помогать и многое прощать. Получается, что сотрудники ОВД в определенном смысле наделяются архетипическими чертами мана-личности, сочетающими «непоколебимость сверхчеловека» и «превосходство совершенного мудреца». У К.Г. Юнга можно найти следующее разъяснение по данному вопросу: «Обе фигуры суть идеальные образы, Наполеон с одной стороны, Лао-цзы — с другой. Обе фигуры соответствуют понятию “сверхъестественно эффективного”... Поэтому такую личность я называю просто *мана-личностью*. Она соответствует доминанте коллективного бессознательного, архетипу, который посредством соответствующего опыта сложился в человеческой психике за немыслимо долгое время» [5, с. 136-137]. Такие мифические представления, конечно, сильно усложняют работу полиции. Но таковы реалии российского общества, от которых никуда не деться и которые необходимо учитывать.

Интерпретация в профессиональной сфере ОВД выступает некоей волшебной функцией, которая призвана служить высшей справедливости, и не использоваться в корыстных целях, применяться только на благо людям, а не во вред. «Дикарь не анализирует и не дает себе отчета в том, почему другой имеет над ним превосходство. Если тот умнее и сильнее его, то он как раз обладает мана, т.е. имеет большую силу; он может и потерять эту силу...» [5, с. 137]. Символическая передача господства в интеракциях и власть интерпретации и в интерпретации происходит в архетипических рамках. Однако группы населения оставляют за собой право отобрать данную функцию, символически ослабить представителей ОВД, особенно если заметят в них черты, противоречащие характеристикам мана-личности.

В рамках подобного подхода можно объяснить повышенные требования, предъявляемые не только к культурному уровню, но даже к внешнему виду сотрудников полиции. Представителям других профессиональных групп прощается гораздо больше серьезных ошибок, чем работникам органов внутренних дел. К.Г. Юнг отмечает: «*Мана-личность обладает, с одной стороны, повышенным знанием, с другой — повышенной волей*. Благодаря осознанию лежащих в основе этой личности содержаний мы попадаем в положение, когда должны иметь дело с тем фактом, что, с одной стороны, мы узнали не-

сколькo больше, чем другие, а с другой стороны – хотим несколько большего, чем другие» [5, с. 141]. Поэтому любые сбои в работе полиции подвергаются самой беспощадной и жесткой критике, спрос с ОВД в общественном сознании гораздо выше, чем со всех остальных социальных институтов и профессиональных групп.

Подобная архетипизация отношений создает серьезные проблемы на пути формирования партнерской модели взаимодействия с населением. В интеракционных рамках архетипа личности полиция по отношению к населению, гражданам выступает в роле доминанта, т.е. оказывается сверху над социальными группами, выступает в роли силовой структуры с установкой на подавление. ОВД ставятся в архетипическую позицию родителя, который должен защищать своих детей, то есть граждан от преступников и наказывать за провинности тех и других.

Таким образом, проблемы в системе деятельности органов внутренних дел лежат не только в области институциональной дисфункциональности, но и в дискурсивно-символической сфере коммуникативных практик. На наш взгляд, в исследовании и построении коммуникации необходимо отказаться от классических механистических парадигм с однонаправленными линейными схемами. Возьмем за основу подход В.Б. Кашкина, выделившего две основные парадигмы в коммуникативистике: «В трансляционной парадигме под коммуникацией понимается однонаправленный процесс кодирования и передачи информации от источника и приема информации получателем сообщения. При *интеракционном подходе* коммуникация понимается как совместная деятельность участников коммуникации (коммуникантов), в ходе которой вырабатывается общий (до определенного предела) взгляд на вещи и действия с ними» [6, с. 84].

В органах внутренних дел как социальном институте коммуникативные практики построены по первой парадигме, хотя реальность деятельности и взаимодействия с населением определяется второй. В случае с ОВД в первую очередь необходимо поменять саму парадигму коммуникации, а затем в соответствие с ней перестроить коммуникативные практики. Одними институциональными и нормативными мерами данный вопрос не решишь, необходимо глубокое переструктурирование взаимодействий как внешних, так и внутренних, и прежде всего, на символической и дискурсивной основе. Сама функциональность при таком подходе должна быть определена с символически-интеракционистских позиций.

Известный специалист в области изучения символа О.А. Кармадонов так описывает функции символа: 1) эпистемологическая функция (познание и мышление, нозис и нозма); 2) гносеоконвенциональная функция (гармонизация вселенной, интеграция рода, сообщества); 3) эстетическая; 4) терапевтическая; и наконец, 5) социально-коммуникативная. Под последней функцией мы подразумеваем строгую и прикладную задействованность символа в качестве инструмента и резуль-

тата в системе социальных интеракций, поскольку «коммуникативность» символа это, вообще говоря, не функция, а свойство, делающее возможными все остальные функциональные приложения» [7, с. 6-7].

Таким образом, эффективная функциональность зависит в первую очередь от коммуникативных практик. Органы внутренних дел находятся на стыке социальных коммуникаций и сфер на стыке нормы и отклонения, на стыке порядка и хаоса, организации и дезорганизации, права и нарушения права, нормы и аномии. Получается, что ОВД — это не просто инструмент для отлова преступников и пресечения правонарушений. В современном российском обществе, полицейское ведомство выступает в роли социального регулятора, для чего приходится вырабатывать символы и дискурсы.

Итак, в деятельности органов внутренних дел помимо обычных функций необходимо учитывать и символические, которые напрямую связаны с коммуникативными практиками. Их функциональность заключается в обеспечении эффективной работы по трем основным параметрам и направлениям: 1) взаимодействие с гражданами; 2) внутриведомственная среда; 3) борьба с правонарушениями и преступниками. Эффективность выполнения функций в рамках коммуникации зависит от коммуникативных взаимодействий и от того, как конструируется сам процесс. Поэтому за основу нашей методологической концепции были взяты такие подходы, как функционалистский, конструкционистский и интеракционистский. Собственно коммуникативные практики при таких параметрах становятся дискурсивными.

Сама система деятельности ОВД возникает и функционирует в большей степени как результат интеракций, внутриведомственных взаимодействий, внешних взаимодействий с населением в целом, с различными социальными группами и органами власти. Органы внутренних дел сами занимают центральное коммуникативное пространство между населением, социальными группами и органами власти. С сотрудниками ОВД населению приходится постоянно контактировать, они воспринимаются им как символ, поддерживающий существующий порядок.

В символическом плане они выполняют функцию почтальонов в интеракционистском взаимодействии на низовом уровне. Представители разных социальных групп могут в силу своей стратификационной удаленности и разделенности почти никогда не встречаться между собой. Значит между ними затруднен обмен смыслами и та самая интеракционистская работа по выработке общих символов. Однако практически все социальные слои и группы в той или иной форме сталкиваются с сотрудниками ОВД. Полицейские становятся тем самым промежуточным звеном коммуникации, через который идет обмен знаками и символами и в котором осуществляется важная интерпретационная работа, в том числе по выработке новых и общих дискурсов.

По сути, в настоящее время коммуникативные практики как инструмент социального управле-

ния должны пронизывать всю деятельность ОВД, потому что любые их действия — это уже актуальная для общества коммуникация. И каждый сотрудник должен владеть навыками осуществления коммуникационных процессов и технологий. Однако на практике большинство полицейских самих надо учить таким вещам, им нужно для себя определить общие символы и ориентиры для такой работы. Они не готовы к такой работе и было бы неправильно всю ее тяжесть целиком взваливать на их плечи.

В решении всех этих проблем могут помочь средства массовой информации и коммуникации, с помощью которых надо осуществить переход к новой коммуникационной модели и упростить ее внедрение в систему деятельности органов внутренних дел. В результате возникает два уровня интерпретации. Большая и основная интерпретационная работа протекает в поле массовой коммуникации, где определяются главные символы и дискурсы с интеракциями, задающими их диапазоны и рамки. Все они становятся ориентиром уже для частной интерпретации, которая широко осуществляется на низовом уровне в непосредственном взаимодействии полиции и населения.

Одна из главных задач такого перехода — перевести большинство интеракций и проблем с микроуровня, на макро-, в сферу общедоступных массовых коммуникаций. Конструирование общих символов позволило бы обеспечить общественный консенсус относительно форм деятельности сотрудников ОВД в различных ситуациях. Это во многом облегчило бы работу полицейских, получивших представление о том, что от них требуется. Сотрудникам ОВД не пришлось бы в силу своего понимания и «на свой страх и риск» заниматься интерпретацией проблемных ситуаций в частном порядке.

Органы внутренних дел, как известно, относятся к институтам социального контроля. Однако ОВД находятся в сильной зависимости от общественного мнения, поэтому их деятельность нельзя оценивать исключительно с позиций осуществления контролирующей функции. Зачастую вообще трудно утверждать: кто из них и кого больше контролирует: органы внутренних дел общество или общество — ОВД. В своем контроле институт оперирует особыми функциями и задачами и не только прикладными, но и коммуникативными, дискурсивными и пр. Все же, если попытаться определить главную суть функциональности ОВД в российском обществе с учетом всех составляющих ее деятельности — от реальных до символических — то можно назвать, прежде всего, функцию решения проблем. От органов внутренних дел в первую очередь ждут, чтобы они эффективно разрешали проблемные ситуации в обществе.

Поэтому можно утверждать, что система деятельности ОВД — это не только сфера символических интеракций, но и проблемное поле. С одной стороны, для полиции определяют проблемы и ставят задачи, а с другой — в своей деятельности органы внутренних дел также участвуют в определении проблем. Герберт Блумер, один из создателей символического интеракционизма, вошел в науку и как

основоположник конструкционистского подхода к социальным проблемам. Он определял их с позиций социального поведения: «Основной мой тезис заключается в том, что социальные проблемы не имеют независимого существования в качестве совокупности объективных социальных условий, а являются, прежде всего, результатами процесса коллективного определения» [8, с. 11]. Ведущее направление в современном конструкционизме связано именно с теорией конструирования социальных проблем [9]. Отсюда наше приоритетное внимание с методологических позиций исследования к социально-конструкционистским подходам, особенно к тем из них, которые связаны с изучением средств массовой информации. Данное направление получило широкое развитие и в отечественной социологической науке, породив целые направления исследовательской работы [10]. Предпочтение стоит отдать вариантам контекстуального конструкционизма, правда, в нашем случае речь в большей степени идет о дискурсивном контексте.

Исследователи Питер Ибарра и Джон Китсьюз в своей теории конструирования социальных проблем рассматривают конструкционистский процесс с позиций социальных взаимодействий в сочетании с дискурсивной деятельностью выдвижения утверждений-требований [11]. Применительно к коммуникативным практикам в системе функционирования органов внутренних дел данная схема получает свою специфику и обретает новую интерпретацию. С одной стороны, силовые ведомства по долгу службы и характеру профессиональной деятельности сами призваны решать проблемы. В этой связи коммуникативные практики являются своеобразным отчетом о проделанной работе. В таких сообщениях осуществляется деконструкция проблем, то есть закрытие вопросов и условий, которые ранее ставились перед органами внутренних дел как ситуации-требования, необходимые для преодоления.

Данная схема построена на том, что группы «выдвигателей» и «требователей», то есть соответственно тех, кто осуществляет проблематизацию неких событий или их аспектов, находятся вне системы органов внутренних дел. Правоохранители же выступают в роли «решателей» проблем, которые не они сами создали. С другой стороны, проблематизация может проходить и в коммуникативных практиках системы внутренних дел. Если сотрудники правоохранительных органов не справляются с решением поставленных перед ними задач, то в ответ они могут проблематизировать те моменты, которые, на их взгляд, мешают им выполнять профессиональные обязанности. В качестве таковых проблем могут быть названы низкий уровень зарплат и как следствие недостаток профессиональных кадров; нехватка ресурсов, слабая техническая и технологическая оснащенность; низкая правовая культура населения и отказ обычных людей от содействия стражам закона и т.д.

Конструирование социальных проблем в сфере внутренних дел, особенно со стороны СМИ, само по себе является проблемой для правоохранительной системы. Во-первых, давно уже отмечена

несоразмерность освещения средствами массовой коммуникации различных видов преступлений. В «делании новостей» основное внимание уделяется не массовым правонарушениям, которые по идее и должны вызывать наибольшее беспокойство в обществе, а наоборот, скорее сенсационным и шокирующим, то есть редким и ярким из ряда вон выходящим происшествиям. Во-вторых, характер и структура медиа-сообщений часто построена на описании и «смаковании подробностей», а не на обсуждении сути проблемы, определения причин происшедшего и поисков ответа на вопросы.

Марк Фишман обнаружил и описал такое явление, как медиа-волны преступности [12]. Он описывает следующую ситуацию, возникшую в конце 1976 года в Нью-Йорке. «Три ежедневные городские газеты и пять местных телевизионных компаний сообщали о волне насилия против пожилых людей. Эта волна преступности продолжалась примерно семь недель и, в конечном счете, стала освещаться национальным телевидением и газетами» [12]. В результате возникло определение нового типа преступности, а именно «преступления против пожилых». В своих ответных коммуникативных практиках полиция всячески старалась показать, что она эффективно решает данную проблему. Было создано специальное подразделение по борьбе с грабежами пожилого населения. «Съемочные группы местных телевизионных компаний делали сюжеты о том, как переодетые и изображавшие пожилых людей офицеры этого подразделения арестовывали грабителей. Местные полицейские участки проводили собрания пожилых жителей, на которых объяснялось, как защитить себя» [12]. Все бы хорошо, если бы не одно «но»: существующая статистика совершенно не показывала роста подобного рода преступлений, а по отдельным показателям (например, убийства) и вовсе демонстрировала снижение.

Таким образом, резонансные преступления, которые получают широкое освещение в СМИ, сеют панику среди населения и заставляют правоохранительные органы мобилизовывать колоссальные ресурсы и перебрасывать их туда, где в них нет особой необходимости. В то же самое время без внимания могут остаться важные области социальной безопасности, где активизация деятельности сотрудников системы внутренних дел действительно необходима. Особую актуальность данный вопрос обретает в условиях России, где правоохранительные органы испытывают постоянный дефицит всевозможных ресурсов, и, прежде всего, человеческих.

Коммуникативные практики в системе деятельности органов внутренних дел могли бы помочь решить данную проблему, чтобы самим не становиться заложниками ситуации. В конечном итоге за информацией о преступлениях СМИ обращаются к правоохранителям. Сотрудникам органов внутренних дел лучше всех известно, какие места в общественной безопасности и правопорядке следует считать проблемными и где надо сосредоточивать ресурсы. В своих коммуникативных практиках представители правоохранительной системы могли бы умело депроблематизировать события, которые в

реальности не представляют большой социальной опасности и, наоборот, проблематизировать те из них, которые требуют первостепенного внимания и мобилизации ресурсов. Приоритет в этом плане должен отдаваться рядовым и лучшим сотрудникам органов внутренних дел, которые занимаются непосредственным решением социально-опасных проблем.

Сложность также заключается в том, что в настоящее время сама деятельность правоохранительной системы сильно проблематизирована и стигматизирована. СМИ регулярно сообщают о преступлениях, совершенных так называемыми «оборотнями в погонах». Поэтому первостепенная задача, которая стоит перед коммуникативными практиками в деятельности системы органов внутренних дел, — это депроблематизация и дестигматизация в глазах общественности правоохранительной сферы. Если учесть специфику данной среды, то речь идет не просто о конструировании положительного имиджа, а о престиже профессии и более того о репутации. Такое понятие, как «честь мундира» всегда было близко силовым ведомствам.

В коммуникативных практиках системы деятельности органов внутренних дел происходит выдвижение утверждений-требований уважительного отношения к своим сотрудникам, к их тяжелому и опасному труду и т.д. Интересно, что на этот раз в роли «выдвигающих» и требующих» акторов выступают сами правоохранители, а решать проблему предстоит в первую очередь населению. В связи с этим показательно широкое общественное обсуждение нового закона о полиции. Населению России, различным социальным группам предлагалось самим поучаствовать в решении и устранении негативных черт, за которые ругали прежнюю милицию. Новая полиция, таким образом, должна избавиться от груза проблематизации и стигматизации старых структур. Насколько такой подход окажется эффективным — покажет время, но понятно, что одного только ребрендинга недостаточно. Наступает черед внедрения новых и более эффективных коммуникативных практик и информационных технологий в системе деятельности органов внутренних дел.

Литература

1. Бурганова, Л.А. Репрезентация исследовательских дискурсов коммуникативных практик в системе ОВД/ Л.А. Бурганова, А.И. Хуснутдинова // Вестник Казанского технологического университета. Т.15. – 2012. – №5. – С. 188-193.
2. Открытость и публичность. – Полиция России. – 2012. №2. – С. 64.
3. Фуко М. Нужно защищать общество. – СПб.: Наука, 2005. – 312 с.
4. Эдингер, Э.Ф. Эго и архетип. Индивидуация и религиозная функция психического / Э.Ф. Эдингер. – М.: PENTAGRAPHIC, Ltd., 2000. – 264 с.
5. Юнг, К.Г. Теоретические рассуждения о сущности психического // Юнг К.Г. Об энергетике души. – М.: Академический Проект, 2008. – 297 с.
6. Кашкин, В.Б. Основы теории коммуникации: Краткий курс/ В.Б. Кашкин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 256 с.

7. Кармадонов, О.А. Социология символа / О.А. Кармадонов. – М.: Academia, 2004. – 352 с.
8. Блумер, Г. Социальные проблемы как коллективное поведение / Г. Блумер // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия / Сост. И.Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. – С. 11-26.
9. Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия / Сост. И.Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. – 276 с.
10. Ясавеев, И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации / И.Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2004. – 200 с.; Социальное конструирование реальности: опыт социологических исследований: монография / под ред. Л.А. Бургановой, Г.П. Мягкова. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2010. – 304 с.
11. Ибарра, П. Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы / П. Ибарра, Дж. Китсьюз // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия / Сост. И.Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. – С. 55-114.
12. Фишман, М. Волны преступности как идеология / М. Фишман // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия / Сост. И.Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. – С. 197-228.

© Л. А. Бурганова – д-р социол. наук, проф. каф. государственного, муниципального управления и социологии КНИТУ, labourg@yandex.ru; А. И. Хуснутдинова – асп. той же кафедры, Axi_fl6@mail.ru.